

Когда в комнате остались только мы вдвоём, матушка перестала улыбаться и внимательно посмотрела на меня. Я заранее обдумала, что скажу, но теперь не знала, как начать. Матушка не торопила меня. Она медленно села, взяла с маленького столика чашку охлаждённого вишнёвого сока и отпила несколько глотков. Только тогда я решилась заговорить:

— Старший брат... то есть наследный принц... позавчера взял меня с собой за пределы дворца, мы ходили на Южный рынок.

Я украдкой взглянула на матушку, но она, казалось, была поглощена питьём и не обращала на меня внимания. Пришлось продолжать:

— На рынке много беженцев. Наследный принц выкупил их за деньги и отправил в монастыри на покой. А когда мы выходили, он заговорил, что из-за непрерывных войн и бедствий в Гуаньчжуне казна, вероятно, истощена. Он хочет подать прошение о приостановке строительства дворца Шанъян. И ещё поручил мне описать вашим величествам — Шэнжэню и вам — увиденные сцены с беженцами, в надежде на ваше одобрение.

Матушка поставила чашку и медленно произнесла:

— Так вот почему ты пришла?

Я не поднимала головы, но чувствовала, как её горячий взгляд тяготеет надо мной. Ладони вспотели. Я с трудом сглотнула и наконец выдавила:

— Я... я считаю, дворец Шанъян строится для отдыха Шэнжэня, и внезапная остановка работ может показаться неуважением. Кроме того, ныне Два Совершенномудрых правят мудро, законы строги. Беженцы — явление временное, его должно обсуждать на государственном уровне, не нам вмешиваться. Слова наследного принца кажутся мне неуместными. Но он и полугосударь, и старший брат. Его приказ, даже если я считаю его неправильным... я не знала, как поступить. Потому и пришла к вам... к матушке... просить решения.

Впервые в жизни я делала нечто подобное. Внутри всё сжималось от стыда и страха. Даже голос прерывался, слова выходили с дрожью. Благодаря заботе матушки и кормилиц я, несмотря на сердечный недуг, росла здоровой. Даже во время верховой езды или бега в садах приступов не случалось. Но сегодня, лишь выговорив эту тайну, я почувствовала, как сердце колотится как-то странно. В зале не было жарко, а пот проступил сквозь пять слоёв тонкого шёлка. Капли скатывались с лица и падали на циновку из драконьей бороды, оставляя маслянистые пятна. Я поняла: доносчик из меня никудашный. Но я также знала: даже не скажи я ничего, матушка всё равно узнала бы о поездке с наследным принцем. Столько людей вокруг меня — как же она упустит самого Ли Шэна? Да и говорила я поверхностно, а матушка не задала ни единого вопроса. Если бы она не знала всех деталей заранее, разве промолчала бы?

Матушка не спешила с ответом. Я приподняла веки и увидела лишь её руку, держащую чашку. Пальцы были длинными и белыми — не скажешь, что ей почти пятьдесят. Она снова поднесла чашку к губам, отпила. Я подумала, сейчас заговорит, но она отставила чашку в сторону, медленно поднялась и подошла ко мне.

Ноги подкосились, тело качнулось. Матушка подхватила меня, усадила на пол и, расстегнув аккуратно застёгнутое платье принцессы, принялась гладить по спине, пока дыхание не выровнялось. Потом тихо спросила:

— Сыцзы, ты боишься матушки?

Я взглянула на неё и поняла: хотя взгляд её был направлен на меня, смотрела она сквозь меня. В отличие от Ли Шэна и Ли Жуя, я с рождения была при ней, на её руках. И как она знала каждое моё движение, так и я чувствовала малейшие оттенки её настроения. Сейчас на лице не было ни гнева, ни разочарования, уголки губ даже приподнялись, будто в улыбке. Но я ясно ощущала — она разочарована. Я знала, откуда это чувство. Когда-то, узнав, что Вэй Хуань отлично стреляет, я испытала то же самое.

Меня охватило странное чувство родства с собственной матерью. Я взяла её руку и тихо сказала:

— Сыцзы боится матушку. Но как бы ни боялась, матушка навсегда останется матушкой Сыцзы.

Матушка замерла на мгновение, потом похлопала меня по руке и улыбнулась:

— И Сыцзы навсегда останется матушкиной Сыцзы.

В прошлом году матушка велела мне изучать при Ваньэр систему чинов и географию округов. В этом году из-за новогодних праздников учёба забросилась, и вот теперь матушка, неизвестно с чего вспомнив, снова приказала заниматься через день — в Чертоге Чжэньгуань и во Внутренней школе. Сама составила расписание: по нечётным дням писатель-историк Мяо Шэнькэ будет преподавать поэзию, каноны, историю и учить меня печатному письму чжуаньшу. По чётным — Ваньэр будет заниматься генеалогией, а академик Лю Ичжи из Академии Хунвэнь — чтением «Лао-цзы» и практикой стиля «летающие белые» фэйбай.

Отец с матушкой оба любили каллиграфию, отец же особенно ценил фэйбай. Поэтому во дворце, начиная с матушки и кончая наследным принцем и Ли Жуюем, все усердно занимались этим стилем. Наследный принц уже овладел им, Ли Жуй делал первые шаги. Я же, учившаяся ранее на упрощённых знаках, всегда с трудом воспринимала эти сложные древние начертания. Пока что могла лишь выводить их аккуратно. Теперь, раз матушка приказала учиться фэйбай, пришлось смириться. Но мне было любопытно: раньше моими наставниками были Сюй Цзинцзун и Вэй Шулинь, учёные, в основном служившие при отце. Когда Ли Жуй начал заниматься отдельно, они снова стали моими учителями. Пусть я принцесса и учёба моя не слишком строга, но матушка, не посоветовавшись с отцом, вдруг назначила других. Неужели не боится, что Вэй Шулинь подаст протест?

Я поделилась сомнениями с Вэй Хуань. Та ответила:

— Ваше величество так решила, тебе и следует слушаться. Тебя-то не накажут, чего волноваться?

Я спросила просто так, не ожидая ответа, и с улыбкой добавила:

— Теперь у меня свой учителя. Захочешь чему-то научиться — скажи, возьму с собой. Сможешь слушать на уроках — хорошо, не пустят — я потом перескажу.

Она посмотрела на меня, не сказав ни «да», ни «нет». Я испугалась, как бы она не заподозрила меня в жалости, и поспешно объяснила:

— Это не специально для тебя. Просто матушка задала столько предметов, боюсь, не справлюсь. Пэй Ланьшэн и другие занимаются со мной только поэзией, а для серьёзных наук нужен тот, с кем можно обсудить материал. Ты учишься быстрее и прилежнее, потом, если у меня будут пробелы, сможешь помочь. — Слово «помочь» вырвалось с улыбкой. — Цуй Мин-дэ

говорит, ты с детства без системного образования, а эссе пишешь уже весьма достойные. Если возьмёшься по-настоящему, станешь и вовсе необыкновенной. Тогда и я смогу блеснуть перед родителями, а не давать Ли Жую всегда хвастаться.

Вэй Хуань ответила:

— Это она лишь из вежливости, видя, что госпожа ко мне благосклонна. Кто я такая, чтобы госпожа всерьёз воспринимала такие слова?

<http://bllate.org/book/16278/1466358>